

Александр ШАТИЛОВ

ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ И ПОЗИЦИЯ ВЛАСТНОЙ ЭЛИТЫ

В статье рассматривается процесс модернизации России в постсоветский период. Основное внимание автор уделяет реформаторской роли российских элит.

This article deals with the process of modernization of Russia in the post-Soviet period. The main attention the author pays to the reformatory role of the Russian elites.

Ключевые слова:

элита, инновации, модернизация, власть, реформы; elite, innovations, modernization, authority, reforms.

В политической науке, до сих пор находящейся под сильным влиянием либеральной идеологии, принято считать, что любые инновации и трансформации определяются «демократическими» тенденциями, движением граждан «снизу», подталкивающих элиты к проведению модернизации — как экономической, так и политической. Однако политическая практика не подтверждает таких теоретических выкладок. Напротив (особенно это касается периода конца XX — начала XXI вв.), народные массы выступают в качестве ведомых, а инициатива в преобразованиях принадлежит элитам, обладающим тонким чувством политической конъюнктуры, политической меры и политического креатива, необходимого для преодоления старого порядка.

Модернизационный потенциал элиты стал определяющим после того, как в конце прошлого столетия манипулятивные стратегии обработки общественного мнения и массовые коммуникации достигли такого уровня, что позволили элитным группам дистанционно, а иногда и иллюзорно формировать политическое пространство и продвигать в массовом сознании свои проекты, в т.ч. проекты реформаторские. Такого рода тенденция находится в явном противоречии с декларируемыми демократическими приоритетами большинства стран современного мира, поэтому обычно она либо замалчивается, либо преподносится в информационном пространстве как созидаящая воля всего народа.

По большому счету, с точки зрения продвижения модернизационного проекта такого рода «антидемократические» инициативы элиты являются вполне обоснованными и даже резонными. Во-первых, тернистый путь реформаций не терпит колебаний и популистских решений, а именно так происходит, когда преобразования происходят спонтанно при зашкаливающей активности населения. Это, например, особенно видно на примере так называемой Арабской весны, где охлократия свергла Египет, Тунис, Ливию в «перманентную турбулентность». Элита же, даже ошибаясь, но действуя по плану, чаще всего способна последовательно проводить в жизнь реформы и доводить их до логичного завершения. Во-вторых, хотя позиция элиты и бывает периодически эгоистической, а иногда и коррупционной, однако инициативы истеблишмента в любом случае гораздо более профессиональны, чем желания «толпы». В-третьих, лишь элита способна вовремя почувствовать необходимость изменений, в то время как

ШАТИЛОВ

*Александр
Борисович —
к.полит.н., доцент;
декан факультета
социологии и
политологии
Финансового
университета при
Правительстве РФ
absh71@yandex.ru*

народные массы зачастую живут как бы по инерции и гораздо более консервативны в своих предпочтениях.

В этом плане начавшаяся на рубеже 1980-х—1990-х гг. в СССР, а затем продолженная в России модернизация во многом была «элитарным замыслом», под реализацию которого впоследствии истеблишментом были подтянуты в качестве группы поддержки широкие слои населения.

Надо подчеркнуть, что модернизация России (СССР) во многом была вынужденной, поскольку к середине 1980-х гг. страна исчерпала ресурс актуальности своей политической системы и стояла на пороге неконтролируемого обвала. При этом, однако, несмотря на то что в советской экономике и социальной системе имелись серьезные издержки (дефицит товаров народного потребления, «нефтяная игла», неэффективность планового хозяйства, отсутствие стимулов к интенсификации трудовой деятельности и пр.), эти сферы обладали определенной устойчивостью и могли стагнировать и деградировать еще долго. Однако политические, идеологические и управленческие основы государства стали настолько архаичными, что это угрожало утратой легитимности властной элите, которая в итоге и выступила главным инициатором реформирования сначала Советского Союза, а потом и Российской Федерации.

Однако, помимо достижения «реформаторского консенсуса» внутри управленческой элиты, для успешного проведения кардинальных преобразований требуется присутствие еще двух факторов — наличие сильного и авторитетного лидера, готового взять на себя ответственность за непростые модернизационные решения, а также формирование сильных групп поддержки внутри общества, осознающих ситуацию по принципу: «так жить нельзя».

Тем не менее инициатива модернизационного выбора всегда остается за элитами. Так, именно реформаторская часть партаппарата, бюрократии, «силовиков» и «крепких хозяйственников» стала основной движущей силой реформ рубежа 1980-х—1990-х гг. Однако проведение рыночных и «демократических» преобразований не было обусловлено «либеральным прозрением» вчерашних дисциплинированных членов КПСС, как это зачастую подается в политологической лите-

ратуре и постсоветской мемуаристике¹. И курс «нового мышления» М.С. Горбачева, и радикальные реформы Б.Н. Ельцина явились вполне рационально мотивированным решением правящей элиты, которая, рассмотрев иные модернизационные альтернативы («имперскую», «третий путь», «китайский вариант» и пр.), пришла к выводу о меньшем из зол. Тем более что либерально-демократический и рыночный путь сулил ей относительную свободу рук и «монетизацию» имеющихся властных полномочий. Остальные варианты содержали гораздо большие риски и проблемы. Так, неоимперский проект был чреват гражданской войной по югославскому образцу, «третий путь» был нереален вследствие слабости в политической культуре России ценностей компромисса и диалога, китайский реформаторский авторитаризм представлялся сомнительным, поскольку для его утверждения потребовались бы массовые репрессии, к которым общественное мнение того времени было явно не готово.

В целом элитам в 1990-х гг. удалось достичь выполнения своего базового замысла. Старая коммунистическая система была сломана, рыночные реформы, пусть и не без проблем, проведены, Россия вписалась в мировое демократическое сообщество. Тем не менее и данный реформаторский путь модернизации был отмечен существенными издержками. Во-первых, откровенно антисоциальный и элитарный характер реформ вызвал активное протестное сопротивление граждан и привел власть к утрате легитимности. А это было чревато непредсказуемым охлократическим вариантом развития событий. Во-вторых, «открывшись», Россия подверглась жесткому давлению со стороны мировых конкурентов, которые не столько стремились помочь ей встать на демократические рельсы, сколько вели на ее территории «экспансию без правил», рассматривая РФ преимущественно как «добычу» по итогам победы в «холодной войне». Соответственно, получив контроль над основными политическими и экономическими ресурсами страны, элита

¹ См., напр.: Черняев А.С. Дневник помощника Президента СССР. 1991 год. — М.: Республика, Терра, 1997; Ельцин Б.Н. Президентский марафон. — М.: АСТ, 2000; Лисицын А.И., Миклин А.Р. Либеральная революция в России. Изнанка. — М.: Эксмо, 2009, и др.

РФ была практически обречена стать «патриотической». Истеблишменту требовалась надежная защита своего влияния и ресурсного потенциала от внутренних и внешних противников. В-третьих, проведенные реформы не способствовали выходу страны на более высокие ступени своего развития, а, напротив, скорее способствовали ее деградации даже в тех сферах, которые в советский период считались вполне конкурентоспособными.

Все это предопределило новую линию в постсоветской политике российской элиты. Именно ее усилиями на пост президента РФ продвигается В.В. Путин, а власть берет курс на стабилизацию политической и социально-экономической ситуации в стране.

Новый курс руководства РФ не являлся контрреформаторским. Он не предполагал отказа от прежней политической и экономической линии, а был ориентирован на ее оптимизацию и совершенствование в соответствии с приоритетами XXI в., с одной стороны, и интересами обеспечения устойчивости российского государства — с другой.

Тем не менее курс стабилизации требовал от элиты определенной жесткости в отношении несистемных сил. Так была выстроена вертикаль власти, которая предполагала жесткое соподчинение звеньев государственного аппарата, проведена политика десуверенизации российских регионов (в диапазоне от «контртеррористической операции» до приведения местных законодательных актов в соответствие с Конституцией РФ), подавлено сопротивление квазивластных сообществ (региональные «бароны», олигархи, криминалитет, «четвертая власть»), выступавших в 1990-х гг. в качестве альтернативных центров влияния. Одновременно вокруг В. Путина произошла кристаллизация системных элитных групп, которые, несмотря на несовпадение политических и бизнес-интересов, объединились в деле реконструкции России на основе гибкого концепта «суверенной демократии» (группа Сечина, группа Суркова, группа Кудрина, группа Чemezова, группа Медведева и др.). Все это привело к постепенному выходу страны из кризиса, росту благосостояния населения, возрождению отечественной государственности, выстраиванию пусть и недо-

статочно эффективной, но относительно четкой властной конструкции.

Тем не менее эпоха начала XXI столетия требовала большего, а именно в полной мере инновационного прорыва, способного вернуть Россию в число мировых лидеров. Кроме того, к инновационности России подталкивали и новые параметры современности.

Во-первых, надо отметить глобальный идеологический кризис, который сопровождался выхолащиванием или дискредитацией ранее, казалось бы, незыблемых политических, экономических и социальных истин. В частности, выявились несовершенство и противоречивость либерально-демократической модели и рыночной экономики. Так, политика США по «принуждению к демократии» существенно подорвала этические и морально-нравственные основы данного режима, одновременно выявились его значительные политические и экономические изъяны в тех странах, которые приняли либеральную догматику в качестве «единственно верного учения» после поражения советской системы в ходе «холодной войны». Несколькими позже в результате глобального кризиса 2008–2010 гг. была поставлена под вопрос действенность «невидимой руки рынка». Более того, возникла дилемма: как обеспечить эффективность рыночной модели в условиях распространения в мире потребительских настроений и идеалов социального гедонизма? Выяснилось, что граждане даже развитых западных стран уже не готовы поддерживать капитализм в его жестких версиях, а социальная рыночная экономика является неэффективной без соответствующей модернизации на началах инновационности.

Кроме того, в начале нулевых годов выяснилось, что прежние базовые параметры функционирования государств и обществ изменились самым кардинальным образом. Прежде всего, трансформировались пространственно-временные характеристики существования человечества. Ритм глобальной жизни стал гораздо более динамичным, оперативным и многоаспектным. Развитие средств коммуникации привело к резкому увеличению информационных потоков и росту информационной грамотности населения. С легкой руки пиарщиков и специалистов в области рекламы получили массовое

распространение новые стандарты жизни и цивилизованного существования. С учетом этого определяющим для населения большинства государств мира стал фактор новизны, который предусматривает постоянный зондаж общественных предпочтений со стороны власти и бизнеса и периодический апгрейд политической и социально-экономической жизни. Игнорирование данного фактора становится либо поводом для роста напряженности в стране, либо даже чревато революционной ситуацией. Это обстоятельство опять же стимулирует элиты выдвигать инновационные стратегии, которые, помимо экономических целей, призваны решать еще и цели политические, в частности гарантировать лояльность граждан и обеспечивать легитимность правящего режима.

Все эти аргументы учитывались, когда в середине нулевых годов руководство РФ впервые обозначило свое стремление перейти от политики стабилизации к политике роста и развития. Сначала это были точечные проекты, призванные протестировать целесообразность масштабных вложений в инновационную политику. Так, в 2005 г. появились особые экономические зоны (промышленно-производственные, технико-внедренческие, туристско-рекреационные) и государственные корпорации (первая — Агентство по страхованию вкладов — возникла в 2003 г., а в массовом порядке ГК стали возникать с 2007 г.).

Более того, после образования «тангема» инновационный курс был заложен в программу действий нового президента РФ Д.А. Медведева. В частности, выступая еще в рамках своей предвыборной кампании, он в феврале 2008 г. на экономическом форуме в Красноярске представил свою экономическую программу развития страны, рассчитанную на будущий президентский срок. Так, он сформулировал 4 основных направления, на которых должна сконцентрироваться Россия. «Мы должны сконцентрироваться на своеобразных четырех «и» — институтах, инфраструктуре, инновациях, инвестициях», — заявил тогда Медведев¹. Его заявление явилось результатом коллективного выбора российской элиты, которая, таким

образом, сделала ставку на «качественное» возвращение РФ в глобальную премьерлигу. Такого рода позиция отечественного истеблишмента нашла поддержку и у населения страны, подавляющее большинство которого на тот момент находилось в состоянии «стихийного патриотизма» и было готово одобрять любые «великодержавные» проекты власти.

Однако действительность осадил инновационный настрой российской власти. Сначала глобальный финансово-экономический кризис заставил руководство страны перейти к режиму относительной экономии. В итоге многие инновационные проекты были приостановлены, а активность инновационных структур минимизирована. В этом плане примечательна деятельность госкорпорации «Роснано», которая, будучи создана в 2007 г., первых результатов добила только в 2010 г., и то после резкой критики со стороны руководства РФ. Более того, ГК до сих пор не может выйти на значимые объемы производимой продукции с использованием нанотехнологий. В частности, объем выпущенной по линии «Роснано» продукции в 2012 г. составил всего 25 млрд руб., что было выше показателей двух предыдущих лет (1 млрд руб. в 2010 г., 11 млрд руб. в 2011 г.), но явно недостаточно с учетом имеющейся государственной поддержки и ресурсного потенциала².

Однако после того как прошел пик кризиса и Россия вернулась к прежним планам инновационного обновления, модернизацию стали тормозить высокие цены на нефть. Вернее, инновационный проект забуксовал не столько от высоких доходов от экспорта «черного золота», которые вполне можно было инвестировать в наиболее перспективные направления и разработки прорывного характера, а от инновационной апатии значительной части властной элиты, которая предпочла более традиционные пути освоения сырьевых средств. Кроме того, в правящем классе возникли принципиальные дискуссии относительно целесообразности поддержки инновационных институтов (ОЭЗ, госкорпорации, инновационный центр «Сколково»). Так, многие критики инновационного проекта отмечали «откаты» и

¹ Цит. по: <http://www.rbcdaily.ru/politics/562949978975786>

² «Роснано» первой пятилетки // Коммерсант, 2012, № 173, 17 сент.

нецелевое расходование финансов, выделенных данным структурам, неэффективность их работы, слабую практическую отдачу, отсутствие новых технологий, способных вывести Россию на следующую ступень исторического развития. Соответственно, оппоненты предлагали сделать ставку на проект новой индустриализации, ориентированный на подъем российской промышленности. В частности, в качестве лоббистов неоиндустриализации выступило бизнес-объединение «Деловая Россия». В своем заявлении в мае 2011 г. оно декларировало в качестве необходимого «путь быстрого экономического развития, диверсификации, путь создания современной высокоразвитой экономики, основанной на свободной рыночной конкуренции, развитом частном секторе». А для этого, по мнению предпринимателей, «главным локомотивом решения названной задачи должен стать промышленный сектор, который является основой любой развитой экономики и который сегодня мы практически потеряли»¹.

Таким образом, сегодня Россия находится на стадии выбора стратегии развития страны. По большому счету, ничего не мешает органично сочетать развитие

традиционной промышленности и инновационных технологий будущего. Пока же препятствиями для выработки сбалансированного и в то же время перспективного курса являются следующие факторы:

- отсутствие четко обозначенной инновационной стратегии развития страны;
- инновационная инертность и пассивность большей части федеральной и региональной бюрократии;
- отсутствие политической воли в продвижении инноваций со стороны высшего руководства страны;
- неготовность бизнеса вкладываться в развитие долгосрочных инновационных проектов с «туманными» итоговыми результатами;
- эгоистичность и коррумпированность значительной части российской элиты.

Тем не менее есть основания полагать, что возрастающие внутренние и внешние риски все-таки заставят прагматичную отечественную элиту форсировать инновационную политику, чтобы обеспечить стране конкурентоспособность в глобальном масштабе, а себе – легитимность и пролонгацию властных полномочий.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-02-00357а.

¹ <http://www.deloros.ru/main.php?mid=193>